

ФУЭТЕ

Месье Бабиле, вы правда ощущаете себя юношей?

— Да, я юноша, но с огромным жизненным опытом, умением распознавать хорошие вещи и знанием, чего следует избегать.

— Вы человек влюбчивый?

— Я влюблен в свою жену Запо. И в свой мотоцикл. Когда сажусь за руль, чувствую себя восхитительно, ведь это тоже искусство — гонять на мотоцикле.

— По Парижу?

— И по Парижу, и по Сахаре. Вместе с Запо мы пересекли Сахару, в прошлом году были в Риме, объездили Сардинию. На мотоцикле и с кошкой на шее.

— А какой марки у вас мотоцикл?

— Самая последняя модель “Хонды 600” — настоящая ракета. А у Запо — мощнейший итальянский. Вообще, у меня всю жизнь были мотоциклы. В тринадцать лет я уже лихо въезжал во двор парижской оперы, где обучался танцам.

— А бродить пешком вам нравится?

— В начале своей карьеры я танцевал в труппе “Балет Елисейских Полей”, здание которой располагалось на авеню Монтень в доме №16. Я жил тоже на авеню Монтень. Так вот, каждый вечер я выходил из квартиры,

Ему 82 года,

но это ничего не значит.

Французский танцовщик Жан Бабиле обожает

жизнь, свою жену Запо и продолжает танцевать и выступать на драматической сцене. А еще он гоняет по Парижу на мотоцикле.

Бабиле невероятно популярен во Франции, где за ним утвердилось прозвище “вечный юноша”. Недавно танцовщик побывал в Москве, где проходил посвященный ему фестиваль.

Однажды Жан Бабиле ворвался с кухонным ножом в аптеку и закричал: “Скорее дайте мне аспирин!”

спускался на лифте, садился в автомобиль, да-да, в автомобиль, и подъезжал к дому №16. Выходил из машины, входил в лифт и поднимался в студию. Я не люблю ходить пешком. Хотя, конечно, умею немного ходить, но не по-настоящему. По-настоящему умею только танцевать.

— Как вы познакомились с Запо?

— Это случилось 24 года назад. Я тогда преподавал, и однажды в дверь танцкласса просунулась головка. “Ух ты!” — подумал я про себя. И влюбился в нее с первого взгляда. Потом Запо стала ходить на мои занятия, а затем мы стали мужем и женой. Запо — это чудо, она умеет все. Она мой ассистент, она мой фотограф, а как она готовит! Она все умеет делать, я — ничего...

— Если обратиться к танцам: может ли танцовщик быть независимым или он всегда жестко зависит от хореографа?

— Лично я не признаю никакой зависимости. Когда работал с Бежаром над “Life”, это было совместное творчество. Мы за три дня на одном дыхании создали эту миниатюру. Он начал движение, я его продолжал. Мы были едины, и это было счастье.

Для меня танец — удовольствие. И духовное, и физическое. Не должно быть никакого ав-

торитаризма. Когда я встретился с Джозефом Наджем, это тоже было, как и с Бежаром, — счастье.

— Работа над “Юношей и смертью” тоже проходила в свободном режиме?

— Нас было трое: Кокто, Пети и я. В студии стояла кровать. Кокто ложится на нее, поднимает ногу и говорит: “Ты начинаешь с этого движения”. Потом включается Пети: “Ты будешь делать это и это”. Я тоже что-то предлагаю, и они соглашались. В какой-то момент Пети придумывает оригинальное па, а Кокто советует: “Его надо повторить три раза. Сначала публика его просто видит, во второй раз уже замечает, а в третий — признает”. Все шло почти импровизационно. Я никогда не работал с людьми, которые говорили: надо сделать так и никак иначе. На это я делал со своей стороны вот так... (Бабиле резко выбрасывает одну руку вперед, а другой, сжатой в кулак, перекрывает ее на сгибе.)

— Да вы хулиган...

— Нет. Просто считаю, что танец рождается из любви, а не из диктатуры. Хотя иногда и хулиганил. Во время немецкой оккупации продельвал такой трюк. После занятий в лицее подбегал к такси и спрашивал водителя: “Вы свободны?” Он отвечал: “Да”. Тогда я кричал на всю улицу: “Да здравствует свобода!” — и убегал. А однажды, когда находился в состоянии мрачном, удрученном, я почти голый с кухонным ножом в руках ворвался в аптеку и потребовал: “Дайте мне аспирин!”

— У вас были периоды, когда вы уставали от танцев?

— Это была не усталость. Просто наступал момент, когда я переставал испытывать радость от того, что мне надо выйти на

сцену и танцевать. А без радости нельзя появляться на сцене. Когда мне было пятнадцать лет, я просыпался утром и, еще лежа в кровати с закрытыми глазами, думал про себя: “Вот сейчас я встану и сделаю антраша-сис”. И от одной этой мысли меня накрывала волна удовольствия. Я открывал глаза, улыбался, вскакивал с кровати и делал. Так начинался мой день.

А усталость... Однажды у меня были долгие гастроли в США, около шести месяцев я танцевал, переезжая из города в город. И вдруг понял, что не испытываю радости от танца. Тогда я все бросил, надел рюкзак и пошел пешком куда глаза глядят.

— Как пешком? Куда пешком? А как же океан?

— Нет. (Смеется.) Конечно, сначала я купил билет на самолет. А дальше? Замкнулся и совершенно не думал о танце. Но вдруг в один прекрасный день звонит телефон, и голос в трубке говорит: “Быстрее, быстрее собирайся, на тебя ставят “Блудного сына”. На что я отвечаю: “Нет, я больше не танцую!” Но меня никто не слушает, тут же привозят билеты на самолет. Я прилетаю в театр, прихожу в труппу, и во мне все оживает: “Да, согласен, я снова танцую”. Мне всегда легко было танцевать. И я никогда не стоял у балетного станка перед выходом на сцену.

— А как случилось, что вы стали драматическим актером?

— Однажды после балетного спектакля ко мне за кулисы пришел режиссер Раймон Руло. И спросил, не хочу ли я попробовать себя в драме. На что я ответил: почему бы и нет? Мы договорились, что Руло придет ко мне с пьесой (а это была пьеса Уильяма “Орфей спускается в ад”) и устроит пробу. Он подавал мне реплики, а я читал с листа свою роль. Длилось это недолго, мы прочитали всего две страницы, и он объявил, что готов взять меня в спектакль. Затем была премьера, на которую пришли Теннесси Уильямс, Анна Маньяни. Я, конечно, волновался, но все прошло замечательно.

Но в балете мне выступать все же легче, я не волнуюсь, потому что знаю, что даже если упаду, сумею так обставить это падение, что зрители ни о чем не догадаются. А в драмтеатре перед выходом на сцену я испытываю некоторый страх. Боюсь, что забуду текст.

— Вы верите в места, приметы, судьбу?

— Я верю в то место, где ты родился, верю в удачу и неудачу, в то, как важно, кто твои родители... Вообще, в то, что надо суметь вовремя родиться, в свою эпоху. Тогда все получится. Мой отец был крупным врачом, к тому же человеком литературно одаренным. Он писал стихи, но у него был плохой почерк. И тогда я научился печатать на машинке, чтобы перепечатывать его стихи, которые меня очаровывали. Тогда мне было тринадцать лет, а позже, когда я стал заниматься танцами, поэзия и танец стали для меня одним целым. Это два волшебных кольца. И это магия. А я люблю магию.

— Где вы живете в Париже?

— Это очень тихое уютное место на улице Баг, где я живу уже сорок лет. Это шестой округ. Кстати, родился я тоже в шестом округе, на улице Бонапарта. В моем доме собраны любимые вещи. Сюда не проникает шум города, зато слышно пение птиц. Я живу с женщиной, которую люблю. В моем гараже два любимых мотоцикла. Ну разве это не счастье?

Из досылки

Жан Бабиле (настоящая фамилия Гутман) родился в Париже в 1923 году. В 1941-м он заканчивает балетную школу при парижской опере. А известность к нему приходит в 1946 году, после того как он выступает в балете Жана Кокто и Ролана Пети “Юноша и смерть”.

Бабиле не только танцовщик, но и драматический актер. Он играет с Арлетти в пьесе Уильяма “Орфей спускается в ад” — в постановке прославленного режиссера Раймона Руло; с Мари Белль в “Балконе” (режиссер Питер Брук); с Марией Казарес в танцевально-драматической композиции Мориса Бежара “Зеленая королева”. Специально для Бабиле Бежар ставит миниатюру “Life”, а затем Бежар создает для него композицию “Viva Nova”.

В 2003 году режиссер Жозеф Надж создает танцспектакль “Нет больше небесного свода”, где играет восьмидесятилетний Жан Бабиле. Михаил Барышников говорит о нем: “Когда я увидел его в балете “Life”, меня в равной мере поразили исходившие от него обаяние и способность контролировать абсолютно все, что он делает. Он двигался как кошка, с совершенно невыносимой скоростью”.

Сцена из спектакля “Нет больше небесного свода”